

УДК 314.011(470)

Основные тенденции демографического развития России в пертурбационный период (1914-1922 гг.)

Соловьева Валерия Вячеславовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов. 354348, г.Сочи, Адлерский район, ул. Куйбышева, 32. E-mail: info@rudn-sochi.ru

Аннотация. В статье раскрывается процесс изменения демографической модели российского общества, имевший место в контексте событий Первой мировой войны, революций и гражданской войны в России. Автор анализирует факторы сокращения общей численности населения, причины и параметры глобальных миграционных процессов в России, тенденцию переструктурирования состава населения по этническому, половозрастному и другим признакам. **Ключевые слова:** октябрьская революция в России; Первая мировая война; глобальные миграционные процессы; внутренняя и внешняя миграция; миграционные волны в России; механическое движение населения; демографический кризис; новая демографическая модель общества.

Пертурбационным периодом в демографической истории Российского государства принято называть время Первой мировой войны, революций и Гражданской войны, хронологически он обычно определяется с 1914 по 1922 годы. Это было время глобальных социальных потрясений, которые крайне негативно отразились на количественном и качественном состоянии населения, его демографическом поведении. Для России этот период совпал с кардинальным изменением способа воспроизводства населения, с так называемым демографическим переходом.

Л.И. Лубны-Герцык, ведущий научный сотрудник государственного колониального научно-исследовательского института (Госколониата), в 1926 году писал: «Независимо от всякого рода побочных влияний война, направленная на уничтожение людей, сама является фактором движения населения ..., гражданская война и тесно сопряженные с ней разруха, эпидемии и голод представляли процессы, глубоко внедрившиеся в толщу государственного организма, и их разрушительное влияние на населенность должно было сказаться несравненно сильнее империалистической войны ...» (Lubny-Gercyk 1926, P. 10).

Основные тенденции в демографическом развитии России, предопределенные этим кризисным периодом были следующими.

Во-первых, это повсеместное, почти без исключений значительное сокращение общей численности населения Европейской России, обусловленное людскими потерями в результате преждевременной смертности мирного населения из-за голода, эпидемий и т. п., военных потерь, изменения демографического поведения, следствием которого явилось значительное сокращение числа рождений.

Общий коэффициент естественного прироста (в %) в годы Первой мировой войны выглядел так (Naselenie Rossii 1994, P. 6):

Годы	По Урланису Б.И.	По Боярскому А.Я.
1914	17,9	16,5
1915	9,8	7,1
1916	1,2	1,7
1917	-3,7	-2,8

Таким образом, к 1917 году началась естественная убыль населения России.

Максимальных показателей в начале XX века в России естественный прирост достигал в 1907 году (коэффициент прироста равнялся 18‰), затем последовало его незначительное сокращение (к 1911 году – 17‰). «Нигде больше в мире не был зафиксирован столь высокий уровень естественного прироста», – пишет В.М. Кабузан (Kabuzan 1994, Р. 9). В 1916 году уровень естественного прироста уже был равен 1/3 от уровня 1914 года. «Недород детей за 1915-1917 годы для всей России в довоенных границах без Польши и Финляндии равнялся 6 млн. чел, а дефицит браков составил за 1914-1916 годы 1,7 млн. супружеских пар» (Novosel'skij Nd, Р. 106, 110). Но уже после Октябрьской революции отмечается невиданный рост брачности, причинами которого являлся ее компенсаторный характер, экономические обстоятельства, а также введение гражданских браков и разводов. «...масса браков стала заключаться исключительно для получения мануфактуры, которая до 1920 года выдавалась новобрачным в виде приданого, ценность которого доходила до нескольких сотен тысяч рублей. По получении такого приданого новобрачные расходились или разводились для того, чтобы вступить в новый брак ... Немало было заключено браков с эвакуированными иностранными подданными и военнопленными для того, чтобы получить возможность эмигрировать... Заключались браки и для получения пайка Красной Звезды, для того, чтобы избавиться от уплотнения или обеспечить себе лишнюю комнату» (Gorbunov 1920, Р. 103). Рост такого рода брачности не мог обеспечить увеличение рождаемости, а вел к другому яркому демографическому явлению революционной эпохи – значительному увеличению числа разводов и аборт, которые были легализованы декретом Советской власти в 1920 году.

Сравнительно небольшое снижение темпов естественного прироста к 1917 году наблюдалось в Западной Сибири (почти 70% от уровня 1915 года), Нижнем Поволжье (64,3%), Центральном Земледельческом районе (65%), Западном районе (61%) и на Северном Кавказе (63%) (Kabuzan 1994, Р. 10). По данным местной статистики, в Кубано-Черноморской области в сельской местности на 100 рождений приходилось смертей в 1921 году – 91,8, в 1922 – 263,2, в 1923 – 72,7. Высокий уровень смертности в 1922 году (это самый высокий показатель среди всех голодающих районов) объясняется большим числом голодных беженцев. «На Кубани в 1922 году умирало Поволжье» (Naselenie i hozjajstvo 1924 Т.1, Р. 146). Демографическая катастрофа здесь была отодвинута во времени.

Другим ярким демографическим явлением пертурбационного периода были глобальные миграционные процессы, затронувшие, главным образом, Европейскую Россию.

В целом в военное время почти каждый пятый житель империи был вовлечен в миграционную круговерть. Механическое «...движение революционной эпохи характеризуется полным отсутствием закономерности, оно вспыхивает то в одном, то в другом месте, его нельзя предвидеть, его размер нельзя установить – оно надвигается неожиданно и протекает в болезненных стихийных формах, да и самые причины его теснейшим образом связаны с общей хозяйственной разрухой, с нарушением связей между потребляющими и производящими районами, с ликвидацией промыслов и закрытием ряда промышленных предприятий и т. п.», – писал в 1923 году М. Большаков, заведующий переселенческим отделом Народного комиссариата земледелия (Bol'shakov 1923, Р. 12).

Исследователи выделяют три волны миграционных процессов в России в 1914-1922 гг.: первая – 1914-1917 годы - связана с мобилизацией в армию, притоком военнопленных беженцев, бегством армянского населения в Россию из Турции. Последнее в первую очередь коснулось южных территорий Черноморской губернии. Вторая – 1917-1920 - связана с революцией и Гражданской войной и характеризуется оттоком населения из крупных городов на севере страны, из мест военных действий. Третья – 1921-1922 годы, определена голодом в Поволжье, Северном Кавказе, Украине и характеризуется оттоком населения из этих регионов.

Беженцы и военнопленные на 1 января 1917 года составили 7,8 млн. чел, или 5,4% всего населения, среди городского населения – 12,0% (28 млн. чел.) (по данным Волкова) ... В целом служащие в армии, беженцы, военнопленные составили в конце 1917 года 17,5 млн. чел. или 12,4% всего населения страны... или 24,6% городского населения» (Wheatcroft 1987, P, 12). Голодная миграция сельского и городского населения в 1923 г. характеризуется О.А. Квиткиным: в 358 городах Европейской части РСФСР население уменьшилось с 10,5 млн. в 1917 г. до 7 млн. в 1920 г., затем к марту 1923 г. увеличилось до 8,1 млн. (обратный поток из голодных городов в деревню) (Kvitkin 1923, P. 12).

По Российской империи динамика населенности городского и сельского населения была следующей: в 1897 г. городское население составляло 13,4%, сельское соответственно – 86,6%, в 1917 г. – 17,2% и 82,8%, по Кавказу: в 1897 г. – 12,9% и 87,1%, в 1917 г. – 15,1% и 84,9% (Kabuzan 1994, P. 22-23). Россия в 1917 г. стояла на первом месте в Европе по численности сельского населения, а демографический кризис замедлил урбанизационные процессы. Изменение численности городского населения крупнейших городов Северного Кавказа отражает следующая таблица (Lubny-Gercyk 1926, P. 75):

	1914	1920	1923	Считая население 1914 года за 100%		Считая население 1920 года за 100%
				1920	1923	1923
Новороссийск	47 040	54 262	49 055	115,3	104,3	90,4
Краснодар	102 200	146 700	144 325	143,5	141,2	98,3
Ставрополь	64 100	63 150	53 175	98,5	82,9	84,2
Владикавказ	78 700	61 549	72 069	78,2	91,5	117,1

Итак, в 1914-1920 гг. отмечается уменьшение численности населения крупных городов и столиц и увеличение его в городах малых. Это обратное явление объясняется влиянием Гражданской войны, сосредоточившей бежавшую из других мест России буржуазию в некоторых городских центрах территорий, занятых белыми (Краснодар, Новороссийск, Симферополь).

Квиткин О.А. утверждает к тому же, что миграционные процессы на Северном Кавказе сопровождались резней бывших колонистов (Kvitkin 1923, P. 12).

К концу Первой мировой войны и особенно в последний ее период усилился международный поток эмиграции, когда к экономическим причинам прибавились и политические. Е.М. Кулишер, российский демограф и современник эпохи, определил численность эмигрантов всех категорий этого времени в 1,75 млн. чел. (Kulisher 1948, P. 54-56).

В рамках международной миграции происходила и военная международная миграция: с 1 января 1918 по 1 января 1921 гг. за пределы СССР выбыло 4 млн. 475 тыс. военнопленных и репатриантов, вернулось в страну 3 млн. 171 тыс. военнопленных русской армии (Volkov 1930, P. 185).

Третья сторона в демографической характеристике 1914-1922 годов – значительные изменения этнического состава населения из-за широкого движения на окраины страны и эмиграции за ее пределы представителей различных этносов, а также усилившегося ассимиляционного процесса. По мнению В.М. Кабузана, «миграция, эмиграция и ассимиляция привели к значительным изменениям в удельном весе и географическом разобчении народов, населяющих Россию в 1897-1917 гг. Особенно возросла доля и расширились ареалы расселения русских и украинцев. Самым характерным явлением в этот период является рост удельного веса русских в окраинных районах» (Kabuzan 1994, P. 23).

Эти наиболее глобальные тенденции демографического развития России в 1914-1922 гг. сопровождалась и значительными качественными изменениями российского населения, оцениваемыми со знаком «минус». Это и деформация половозрастной структуры населения, и ухудшение здоровья, и снижение уровня образования, а также рост преступности, изменение морально-этического кодекса российского человека, когда насилие или смерть становились каждодневными явлениями. Крайне негативно о таких последствиях рассматриваемого периода высказывался Питирим Сорокин, один из русских интеллигентов, не принявших большевистскую революцию. «В России преимущественно погибли, – писал он в 1922 г., – элементы: а) наиболее здоровые биологически, б) трудоспособные энергетически, в) более волевые, одаренные, морально и умственно, развитые психологически ... за эти годы, и особенно за годы революции процент гибели лиц, с глубоким сознанием долга (с красной и белой сторон) был гораздо выше, чем процент нигилистов и просто преступников» (Sorokin 1992 №4, P. 188-189). В качестве морально-правовых явлений, характеризующих состояние российского общества той эпохи, он приводил следующие цифры, взятые из газет «Правда», «Известия», «Красная Звезда», журнала «Психиатрия и неврология» № 1 за 1922 год и других. В Москве количество преступлений в 1918-1919 годах по отношению к 1914 году (в %) составило: краж – 315%, вооруженных грабежей – 28 500%, грабежей – 800%, покушений на убийство – 1 600%, убийств – 1 060%, распространение венерических болезней достигло 30%, среди новорожденных – 5% (Sorokin 1992 №5, P. 170-172). По данным Сорокина, общий процент уменьшения населения за кризисный период составил 13,6%, в возрастных слоях от 15 до 60 лет – 20%, в мужской части этих возрастов – 28% (Sorokin 1992 №4, P. 188).

По оценкам современных отечественных демографов, сокращение численности населения России в 1914-1922 гг. составило 11%, общие демографические потери колеблются от 22 млн. до 30 млн. чел, людские потери – от 11 до 18 млн. человек (Denisenko 1997, P. 96), по оценкам американского демографа Ф. Лоримера – 28 млн. чел., французского демографа Дж. Бирабена – 21,4 млн. чел. (Uitkroft 1991, P. 49-59).

Таким образом, период с 1914 по 1922 гг. был катастрофическим в истории демографического развития России. В 1923 г. наступил перелом, и проявились первые позитивные подвижки, стало выравниваться естественное, упорядочиваться механическое движение населения. Уникальность этой эпохи с демографической точки зрения отмечена С.Г. Уиткрофтом в его работе «Движение народонаселения в 1908-1926 годах». «Одна из самых примечательных особенностей российской и советской демографической истории состоит в преемственности их развития, представляющего собой переход к последовательному снижению уровня рождаемости и смертности, который, как оказалось, не был нарушен демографическими катастрофами того времени. В 1923 году, когда кризис миновал, наблюдалась уже новая демографическая модель общества, при которой рождаемость и смертность

установились не на том уровне, на котором они были прерваны 10 лет назад, а на том уровне, на котором они должны были быть, если бы тенденции снижения уровней рождаемости и смертности, наблюдавшиеся до войны, ничем не были нарушены. Численность же и структура населения, тем не менее, претерпели воздействия демографического кризиса» (Wheatcroft 1987, P. 33-34). Ученый подтверждает общее мнение, присутствующее в зарубежной историографии, о независимости закономерностей развития населения от политических, идеологических, культурных, либо каких-то других исторических факторов (Lewis, Rowland 1979, P. 2).

Кризисная эпоха 1914-1922 годов недостаточно исследована в отечественной науке, хотя и привлекает все чаще внимание многих ученых. Обусловлено это, прежде всего, сложностью поиска источников, так как многие из первичных статистических материалов утрачены вовсе, утеряна и значительная часть общероссийских данных, а в ряде регионов, охваченных военными действиями в годы Первой мировой войны и революций, статистический учет населения не производился, пострадали материалы местных архивов и в годы Второй мировой войны. Так было, в частности, с источниками по истории Черноморской губернии (округа), которые в условиях военных действий были эвакуированы из Новороссийска и не возвращены, осели в различных архивах других городов и частично утеряны.

Однако сложность исследовательской задачи в данном случае должна вызывать только особое стремление к ее решению.

Әдебиеттер тізімі / Список литературы

1. Большаков М. Задачи и перспективы колонизации // На новых путях. – М., 1923.
2. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. – М., 1930.
3. Горбунов А.В. Влияние мировой войны на движение населения Европы // Русский Евангелический журнал. – 1920. – Т. 1. – Вып. 1.
4. Денисенко М.Б. Демографический кризис 1914-1922 гг. // Вестник Московского университета. Социология и политология. – 1997. – № 2.
5. Кабузан В.М. Демографическая ситуация в России в годы первой мировой войны // Население России в 1920-1950 годы: численность, потери, миграция: Сб. науч. трудов. – М., 1994.
6. Квиткин О.А. Население городов Европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 гг // Бюллетень ЦСУ. – 1923. – № 77.
7. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. – М., 1926.
8. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. – Т. 1. – Краснодар, 1924.
9. Население России в 1920-1950 годы: численность, потери, миграция: Сб. науч. трудов. – М., 1994.
10. Новосельский Н.А. Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг.
11. Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. – 1992. – № 4-5.
12. Уиткрофт С.Г. Голод и другие факторы, влияющие на уровень смертности в СССР. Демографические кризисы 1918-1922 и 1930-1933 гг. // Демографические процессы в СССР: 20-80 гг. Современная зарубежная историография. – М., 1991. – С. 49-59.
13. Kulisher E.M. Europe on the move. War and population changers 1917-1947. – N.Y., 1948.
14. Lewis A.R. Rowland N.P. Population redistribution in the VSSR: It's impact on Society, 1897-1977. – NY, Wash.: Praeger, 1979.
15. Wheatcroft S.G. Population movements 1908-1926. – Birmingham, 1987.

Reference

- Bol'shakov 1923 - Bol'shakov, M 1923. Zadachi i perspektivy kolonizacii, *Na novykh putjah*, Moscow. (in Rus).
- Denisenko 1997 - Denisenko, MB 1997, Demograficheskij krizis 1914-1922 gg., *Vestnik Moskovskogo universiteta. Sociologija i politologija*, № 2. (in Rus).

- Gorbinov 1920 - Gorbinov, AV 1920, Vliyanie mirovoj vojny na dvizhenie naselenija Evropy, *Russkij Evangelicheskij zhurnal*, T. 1., Vyp. 1. (in Rus).
- Kabuzan 1994 - Kabuzan, VM 1994, Demograficheskaja situacija v Rossii v gody pervoj mirovoj vojny, *Naselenie Rossii v 1920-1950 gody: chislennost', poteri, migracija: Sb. nauch. trudov*, Moskow. (in Rus).
- Kulisher 1948 - Kulisher, EM 1948, *Europe on the move. War and population changers 1917-1947*, N.Y. (in Eng).
- Kvitkin 1923 - Kvitkin, OA 1923, Naselenie gorodov Evropejskoj chasti RSFSR po perepisjam 1897, 1917, 1920 i 1923 gg, *Bjulleten' CSU*, № 77. (in Rus).
- Lewis, Rowland 1979 - Lewis, AR, Rowland, NP 1979, *Population redistribution in the VSSR: It's impact on Society, 1897-1977*, Praeger, NY, Wash. (in Eng).
- Lubny-Gercyk 1926 - Lubny-Gercyk, LI 1926, *Dvizhenie naselenija na territorii SSSR za vremja mirovoj vojny i revoljucii*, Moskow. (in Rus).
- Naselenie i hozjajstvo 1924 - *Naselenie i hozjajstvo Kubano-Chernomorskoj oblasti 1924*, T. 1, Krasnodar. (in Rus).
- Naselenie Rossii 1994 - *Naselenie Rossii v 1920-1950 gody: chislennost', poteri, migracija: Sb. nauch. trudov*, Moskow. (in Rus).
- Novosel'skij Nd - Novosel'skij, NA Nd, Vliyanie vojny na estestvennoe dvizhenie naselenija, *Trudy komissii po obsledovaniju sanitarnyh posledstvij vojny 1914-1920 gg.* (in Rus).
- Sorokin 1992 - Sorokin, P 1992, Sovremennoe sostojanie Rossii, *Novyj mir*, № 4-5. (in Rus).
- Uitkroft 1991 - Uitkroft, SG 1991, Golod i drugie faktory, vlijajushhie na uroven' smernosti v SSSR. Demograficheskie krizisy 1918-1922 i 1930-1933 gg., *Demograficheskie processy v SSSR: 20-80 gg. Sovremennaja zarubezhnaja istoriografija*, Moskow. (in Rus).
- Volkov 1930 - Volkov, EZ 1930, *Dinamika narodonaselenija SSSR za vosem'desjat let*, Moskow. (in Rus).
- Wheatcroft 1987 - Wheatcroft, SG 1987, *Population movements 1908-1926*, Birmingham. (in Eng).

Наразылық кезеңдегі Ресейде демографиялық дамудың негізгі үрдістері (1914-1922 жж.)

Соловьева Валерия Вячеславовна

тарих ғылымдарының кандидаты, Ресей халықтар достығы университетінің Сочи институтының (филиалының) мемлекет және құқық кафедрасының доценті. Ресей Федерациясы, 354348, Сочи қ., Адлерауданы, Куйбышев к-сі, 32. E-mail: info@rudn-sochi.ru

Түйін. Мақалада Бірінші дүниежүзілік соғыс, төңкеріс және азамат соғысы оқиғалары контекстінде орын алған Ресей қоғамының демографиялық моделінің өзгеру үдерісі айқындалады. Автор жалпы халық санының азаю факторларына талдау жасайды, Ресейдегі жаһандық көші-қон үдерістерінің себептері мен параметрлеріне тоқталады, этникалық, жыныстық-жастық және басқа да белгілері бойынша халық құрамының қайта құрылымдану үрдісін талдайды.

Түйін сөздер: Ресейдегі Қазан төңкерісі; Бірінші дүние жүзілік соғыс; жаһандық көші-қон үдерістері; ішкі және сыртқы көші-қон; Ресейдегі көші-қон толқындары; халықтың механикалық қозғалысы; демографиялық дағдарыс; қоғамның жаңа демографиялық моделі.

The main trends of demographic development in Russia in perturbation period (1914-1922)

Solovyova Valeria Vyacheslavovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Theory of the State and Law Department, Sochi Institute (branch) of the Russian University of Peoples' Friendship. 354348, Sochi, Adler district, 32 Kuibyshev str. E-mail: info@rudn-sochi.ru.

Abstract. The article deals with the process of changing the demographic pattern of the Russian society, which took place in the context of the World War I events, revolutions and the Civil War in Russia. The author analyzes the factors reducing the total number of population, causes and parameters of global migration processes in Russia, the trend of restructuring the composition of the population by ethnicity, age, sex and other characteristics.

Keywords: the October Revolution in Russia; World War I; global migration processes; internal and external migration; waves of migration in Russia; mechanical movement of the population; demographic crisis; new demographic pattern of society.